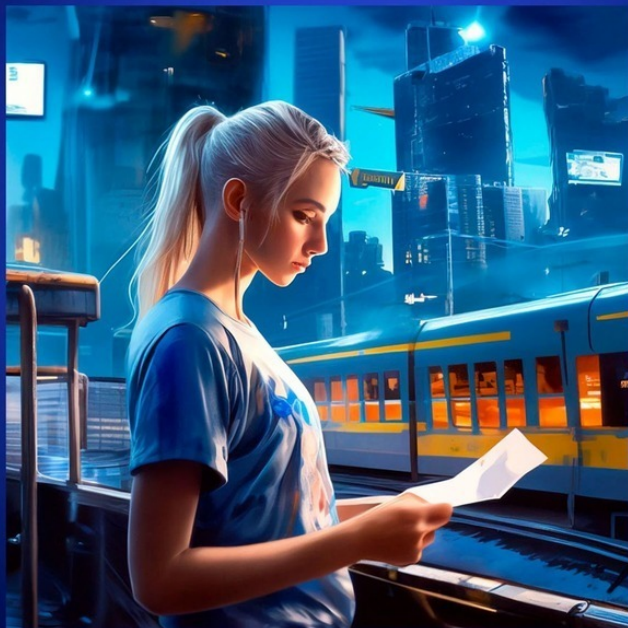

НХАГГАРТ НА СТЫКЕ МИРОВ

АНАСТАСИЯ ПЛЕСКАНЁВА

Анастасия Плесканёва

Нхаггарт: На стыке миров

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69585943

ISBN 9785006048850

Аннотация

2360 год. Миром завладели технологии, а искусство стало вне закона. Тех, кто не смог вписаться в новое общество, называют нхагами – они бодрствуют в ночное время и стараются испортить жизнь приличным гражданам. Но правда ли, что все они – преступники? Можно ли стать счастливее, случайно прикоснувшись к чьей-то жизни? И как правильно сделать выбор, чтобы не пожалеть об этом? Ответы на эти вопросы предстоит узнать Шерил – обычной студентке университета в одном из городов будущего.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Не жизнь, а сказка	8
Глава 2. Никогда не знаешь, когда с неба упадет кирпич	23
Глава 3. Всё решает случай	42
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Нхаггарт: На стыке миров

Анастасия Плесканёва

© Анастасия Плесканёва, 2023

ISBN 978-5-0060-4885-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Добро пожаловать в 2360-й год. Представьте на минуту, что миром завладели технологии, а места для искусства в нём не осталось. Вот так мы и живём.

В 2280-м поэты, художники, мастера-рукодельники, музыканты и другие творческие люди ушли в подполье, став вне закона. Так решило новое мировое правительство и спорить с ним было бесполезно.

Теперь картины, фотографии, музыку, театральные представления, любые вещи, к которым нужно приложить творческий склад ума и ровные руки, создают компьютеры и роботы. Получается сносно, но до тошноты однообразно. Конечно, программы им задают люди, это ответственная работа и на неё принимают не каждого, но красивее и интереснее песни и фильмы от этого не становятся.

Всё должно подчиняться порядку и пробуждать в жителях города радость привычного бытия, а не желание мыслить креативно и что-то менять.

Вместо домов с причудливой архитектурой, как было в прошлом, новые города обросли стеклянными синими многоэтажками, как братья-близнецы похожими друг на друга. Без карты, скачанной на смартфон, заблудиться в высотных джунглях проще простого.

Не думайте, что всё совсем тускло и уныло. На каждом до-

ме висят огромные экраны, где транслируется реклама и картины роботов-художников. А ещё на улицах много синтетических деревьев идеальной формы, выращенных в лабораториях. Кустарники, цветы на клумбах, декоративный плющ в парках такие же ненастоящие, хоть и выглядят натурально.

Небо здесь тоже не настоящее. Над городом возвышается купол-полусфера, поддерживающий благоприятную для жизни атмосферу. Не потому, что Солнце погасло или климат стал плох, не стоит так думать. Просто контролировать погоду и жить по расписанию оказалось проще, вот и прижилась такая инновация. Кстати, вечером купол становится тёмно-фиолетовым, в полночь чёрным, а днём приобретает голубой оттенок. По ночам всегда моросит дождь и +18, а днём светло и +24 градуса тепла – мы живём в вечном прохладном и прекрасном лете. Иногда за полупрозрачными стенками купола проглядываются очертания настоящего Солнца, но это редкое явление. А звёзды и вовсе мало кому удастся увидеть, не попав в неприятности. Многие жители вспоминают времена, когда всё было по-другому. Они испытывают странное и грустное чувство ностальгии по местам и эпохам, которых не застали.

Теперь из космоса Земля напоминает шар, покрытый куполами городов и соединяющими их транспортными тоннелями, по ним курсируют поезда. Везде одни и те же порядки, в любом уголке планеты. Все говорят на одном языке, но с разными акцентами – это последнее напоминание о ми-

ровом многообразии культур.

Звучит не очень, правда? Скажу прямо: как человеку, который с упоением прочитал десяток книг о далёком прошлом, мне наш мир не нравится. Но не стоит судить ни о нём, ни о людях, что здесь живут, по обложке. Бывает, что внутри заурядности скрывается такая тайна, что не сможешь быть прежним, если к ней прикоснёшься.

Моя история именно об этом.

Глава 1. Не жизнь, а сказка

Меня зовут Шерил и мне было двадцать три, когда моя жизнь перевернулась с ног на голову.

Всё началось двадцатого апреля. Я, как всегда, собиралась на утреннюю гимнастику, которую ненавидела всей душой. Того же мнения придерживались и другие жители города. Пропустить гимнастику позволялось только в двух случаях: либо ты заболел и у тебя есть справка от доктора, либо ты умер. Другие отговорки не принимались: те, кто опаздывал, получали штраф, кто не приходил – выговор и штраф, а подлецы, попавшиеся на этом неоднократно и вовсе могли пойти под суд.

За тем, все ли жители вышли на улицу, чтобы размяться, следили камеры, развешанные на стенах домов и фонарных столбах. Они сканировали лица присутствующих и автоматически составляли список посещаемости, который отправлялся стражам порядка. А ещё улицы патрулировали Наблюдатели – неприятные на вид мужчины, патрулирующие кварталы и переулки. Они выделялись в толпе благодаря чёрной форме с красными нашивками на локтях и коленях. Каждый Наблюдатель обладал серьёзным выражением лица с нахмуренными бровями и суровым взглядом.

Больше всего в утренней гимнастике раздражал будильник, то есть громкая музыка, льющаяся по всем улицам

и просачивающаяся сквозь стены. Приходилось стягивать себя с постели, чтобы успеть собраться и вовремя покинуть дом. Не знаю, кто придумал проводить общегородскую гимнастику в восемь утра, но этот человек точно не умел сочувствовать окружающим, ведь мелодия будильника начинала играть в семь.

Минув пару улиц и потолкавшись в толпе, я вышла на площадь возле университета. В нашем городе она считалась центральной, на ней проводились все важные мероприятия и собрания. Суматоха и ожидание ежедневного обращения мэра к жителям поглотили меня с головой. Мне было плохо видно трибуну, стоящую возле входа в университет, поэтому я смотрела на экраны соседних домов – по ним всегда показывали прямые трансляции важных городских событий.

Крио Карборра, наш мэр, отличался завидной пунктуальностью и всегда начинал выступление вовремя. В тот день он предстал перед жителями в своём любимом чёрном костюме с высоко поднятым воротником. Крио надевал под него не рубашку, а водолазку, и я всегда удивлялась, как он спокойно переживает в таком наряде жару.

Мэр отличался худобой, что чаще всего не свойственно людям его лет – на вид ему было около пятидесяти. Лицо мэра казалось угловатым, скуластым, как у наспех вырезанной из мрамора статуи, с широкими бровями, длинным с горбинкой носом и тонкими губами, обрамлёнными аккуратно подстриженными усами и бородой. Чёрные с проседью волосы,

спускавшиеся до шеи, мужчина зачёсывал назад. Жаль, что такую причёску настоятельно не рекомендовали носить жителям – обычно мужчины нашего города стриглись коротко. Но мэр есть мэр, ему полагалось выделяться в толпе и мог позволить себе подобные вольности.

А ещё мне нравились его глаза ярко-зелёного оттенка, обрамлённые сеточкой морщин. Они могли бы сделать его лицо приятнее и симпатичнее, но всё портил взгляд, холодный настолько, что поймавший его человек мог почувствовать, как спина покрывается мурашками, а в душе нарастает необъяснимое беспокойство.

Мэр взошёл на трибуну в половину восьмого и громко заговорил в микрофон:

– Дорогие жители! Пришёл новый день, который мы проведём с улыбкой на лицах, в приятных и полезных для общества делах! Всеобщая гимнастика – это закон, принятый ради вашего здоровья, как и тот, что запрещает выходить на улицу в ночное время!

Карборра всегда говорил о законах и том, какие наши власти молодцы. Иногда он перегибал палку и начинал страшать жителей последствиями преступлений, но быстро брал себя в руки и заканчивал речь, желая всем хорошего утра. Но больше всего он любил монотонно разглагольствовать на его любимую тему – о нхагах. Крию вскинул руки и заговорил с пафосом в голосе:

– Все вы прекрасно знаете, как опасны нхаги, эти люди,

застрявшие разумом в прошлой эпохе и не понимающие, что пора отбросить устаревшее и перейти к новому витку технологичного бытия! Не стоит видеться с ними и попадаться на их уловки, которые отводят от честной, законной и счастливой жизни! Не покидайте свои дома раньше семи утра и позже десяти вечера – в это время нхаги расхаживают по улицам и ищут новых жертв! Читайте и соблюдайте закон!

Крио отличался многословностью. Многих жителей раздражала его привычка хвалить современное мироустройство и ругать прежние эпохи. Нхаги – вообще отдельная тема, они ему были, как кость в горле. При возможности, он бы избавился от них в кратчайшие сроки, может, вывез бы за пределы города в прерии или вовсе в космос отправил. От этой затеи его останавливало «Соглашение на пятьсот лет вперед», подписанное основателем города. Оно заставляло жить с нхагами бок о бок, но при этом мало что знать друг о друге.

Я продолжила слушать Карборру, готовясь к тому, что придётся дрыгаться под однотипную музыку.

– Виток технологичен бытия, и вот руками вновь размахиваю я!

Автор этого произведения об утренней боли и негодовании мой лучший друг по имени Мартин. Я не заметила, как он подошёл и склонился к моему уху, чтобы прошептать своё мини-стихотворение. «Ну да, как всегда, чувствую себя коротышкой» – подумала я и поморщилась. На нас косо поглядел Наблюдатель, стоящий неподалеку, поэтому пришлось

сказать вслух:

– А ты готов сделать двадцать прыжков в высоту вместо десяти? Такое хорошее утро!

Подозрительный взгляд смотревшего на нас человека стал спокойным и прозрачным. Мартин выглядел сонным, но пребывал в хорошем настроении и заставил меня улыбнуться. Я не смогла удержаться и поправила ему чёлку, а ещё пригладила растрёпанные тёмные волосы. Наверное, он не успел причесаться перед тем, как выйти из дома, поэтому короткая стрижка выглядела небрежно. Мне пришлось приподняться на цыпочки, чтобы дотянуться до его макушки – мой друг ростом под метр девяносто, а я как минимум на голову ниже него.

Мартин был слегка курносый, с живыми, голубыми глазами и широкими бровями. Мне нравилась его внешность, особенно слегка пухлые губы, а вот он этой особенности стеснялся. Его одежда не отличалась от моей и от нарядов других жителей. Привычный образ, который раздражал и нагонял тоску: серая футболка, чёрные брюки и кроссовки.

Крио закончил вещать и все экраны в городе перешли к трансляции упражнений. Следующие полчаса показались мне адом на Земле, но пришлось их перетерпеть, чтобы отправиться в институт и грызть гранит науки, о который я периодически ломала себе зубы.

Университет, где я училась – одно из самых красивых зданий в центре города, самая главная его достопримечательность. Он отличался по архитектуре и цвету от типичных стеклянных многоэтажек, поэтому его хотелось рассматривать со всех сторон. Стены оттенка слоновой кости, высокие круглые колонны у входа, лестница с широкими ступенями и массивные двери: постройка выглядела величественно и навевала мысли о прошлых эпохах.

Внутри университета было светло и уютно благодаря мраморному полу с лежащими на нем бежевыми коврами и белой краске на стенах. На первом этаже раскинулся большой холл с фонтаном, столовая и мини-библиотека, где любой желающий, а не только студенты, могли почитать книги или посидеть за компьютером. На втором этаже находились учебные корпуса, у каждого факультета свой, а на третьем – ещё одна библиотека, только для учащихся.

Единственное, что огорчало – пост ректора университета занимал мэр, успешно совмещавший две эти непростые должности. Мои родители радовались такому совпадению, так как восхищались Карборрой, а мне это не очень нравилось. Признаться, я редко общалась с мамой и папой, а также не горела желанием часто ездить домой именно из-за наших кардинальных расхождений во взглядах.

Из окна аудитории, в которой мы с Мартином слушали лекцию, виднелись студенческие общежития. Одно из них

стало нашим временным домом. К сожалению, мы попали в здание, где жили преподаватели, а ещё находилась лаборатория педагогического состава. Она располагалась на самом верхнем этаже и без соответствующей ключ-карты добратся туда никто не мог.

Но самое интересное, что было в нашем общежитии – полностью сгоревшая комната, внешняя стена которой обвалилась. Преподаватели запирали её на ключ, который хранился в деканате. Комната находилась в самом дальнем углу коридора на третьем этаже, в тупике, едва освещавшемся тусклыми потолочными лампами. Её показывали студентам-первокурсникам, как предупреждение, что может случиться, если пренебрегать техникой безопасности при домашних экспериментах. Признаться, иногда раздражало столпотворение галдящих людей в таком укромном месте – моя одноместная комната находилась напротив сгоревшей и время от времени приходилось терпеть шум очередной экскурсии.

Мартин занял комнату на этаж ниже, прямо под моей. Это был случайный и приятный бонус при заселении, от которого мы пришли в восторг. Всегда здорово понимать, что неподалёку живет хороший человек.

В общежитии обитали те, кто планировал достойно устроиться в будущем и получить профессии, связанные с компьютерами, инновациями, технологиями и здравоохранением. Если студента отчисляли из университета или он никак не мог поступить, его шансы добиться успеха стремились

к нулю. Таким бедолагам приходилось находить себе место в других сферах занятости, к примеру, работать в городском благоустройстве, выгуливать собак, обслуживать посетителей столовых. Платили там меньше, а ещё такая работа подрывала социальный статус, так как вызывала пренебрежение у жителей.

Услышав звонок на большую перемену мы с Мартином отправились в столовую. Там, как всегда, было многолюдно: студенты выстроились в длинную очередь перед зоной выдачи блюд, нетерпеливо переминались с ноги на ногу и разговаривали.

Меню не отличалось разнообразием, но всё же предоставляло выбор, что бы ты хотел съесть: суп или бульон, кашу или овощную запеканку. А ещё каждый день студентам предлагались разные варианты изделий из теста и они не всегда приходились по душе.

– Фу, опять морковные булки! – фыркнул Мартин, заглянув в хлебницу.

Он относился к овощной выпечке, как я к утренней гимнастике – ненавидел всей душой. И всегда напоминал мне об этом по средам, двигая поднос по ленте выдачи блюд. Мой друг считал это своеобразной традицией, а студенты, находившиеся рядом, воспринимали его возглас как грубое на-

рушение этикета. Но Мартин редко обращал внимание на то, что думают окружающие.

Мы поставили тарелки на подносы, расплатились на кассе и начали искать свободный столик. Я в очередной раз подумала, что печать еды на 3D-принтере – лучшая технология, придуманная в прошлом и существующая в настоящем. Только не всегда было понятно, почему одни блюда у поваров-синтезаторов получались вкусными, а другие хотелось выплюнуть и никогда больше не пробовать. Казалось, что это дань старым традициям, когда люди могли попросить книгу жалоб и устроить скандал из-за того, что еда в кафе им не понравилась. Но в нашем мире все блюда соответствовали строгим нормам и пропорциям. Даже домашние принтеры настраивались производителями на их соблюдение, не давая экспериментировать с рецептами.

Мы заняли столик и заметили, что ещё один студент искал, где бы расположиться. Мартин помахал ему рукой, приглашая присоединиться к нам.

Чарли ходил в тренажёрный зал, поэтому отличался красивой фигурой при среднем росте. Мартин иногда ему завидовал, так как тоже пробовал тягать железки, но оставался таким же худым, как раньше. А ещё у Чарли очень светлые, почти белые волосы – такой оттенок в нашем мире большая редкость. Они тоже являлись объектом зависти, но уже моей. Русый оттенок локонов, как у меня, считался обычным и заурядным, что иногда огорчало.

Поприветствовав нас, сокурсник уселся за стол и пристально на меня посмотрел. Правильно мои знакомые шептались: трудно было устоять и не засмушаться, когда тебя разглядывал парень с голубыми глазами, высокими скулами и ямочкой на подбородке. Он считался одним из самых симпатичных студентов университета. Я спросила, всё ли в порядке и Чарли быстро отвёл взгляд, сказав, что просто задумался о своём.

На меня чары приятеля не действовали. Я питала к нему тайной влюблённости и не хотела пойти с ним под руку на выпускной вечер, как многие девчонки. Чарли, несмотря на внешнюю уверенность и крепкие мускулы отличался трусостью. А ещё он знал все последние новости, сплетни и теории заговоров, поэтому его разговоры иногда утомляли и раздражали. Но зато парень мог подсказать, где и как достать вещь, которая тебе не принадлежит. Например, когда и как ухитриться выкрасть из библиотеки книгу, предназначенную только для преподавателей. Признаться, я однажды так делала, да и другие студенты подобным занимались, особенно те, кто прогуливал лекции. Из-за своей трусости Чарли никогда бы не подписался на кражу, а вот рассказать, как её совершить, мог запросто. Так что тёплые отношения с ним приходилось поддерживать.

– Как успехи в робототехнике? – спросил он, доедая морковную булку.

– Не очень, – признался Мартин, – если будет нужна по-

мощь, мы к тебе обратимся, ты же в этом спец.

– Да ладно тебе, не начинай. Но за комплимент спасибо.

Чарли не отличался скромностью, но всегда оставался вежлив и это мне нравилось. Он попрощался с нами и поспешил к выходу из столовой. Мой друг отнёс подносы к стойке с грязной посудой и мы направились в аудиторию, где узнали, что пару отменили и это была лучшая новость за день.

Мы пили чай, сидя на полу моей комнаты, поднимая кружки за то, что пара с самым суровым преподавателем переносится на неделю. Мартин внимательно поглядел на ловец снов, висящий над моей кроватью, покачал головой и язвительно подметил:

– Ай-ай-ай, запрещённые вещи в комнате развешиваешь, как не стыдно?

– Отстань, – отмахнулась я. – У всех есть декор, а мне почему нельзя? Голые стены это уныло и тоскливо.

– Смотри, чтобы преподаватели не заметили, а то нагоняй на всю жизнь запомнишь.

– Они ко мне почти не заходят, расслабься. К тому же, пару проверок мы с ним уже пережили, сам знаешь, как о приближении преподавов слухи разносятся.

Я совсем забыла, что хотела показать Мартину пейзаж, который недавно нарисовала. Конечно, рисование считалось постыдным делом, даже подсудным, но оно так мне нравилось, что я не могла удержаться. Тем более, что пару недель

назад мой друг раздобыл настоящую роскошь – альбом с бумажными страницами и цветные карандаши. В мире, где только избранные рисовали на планшетах или с помощью нейросетей это было большой редкостью, а ещё приятным и лучшим в жизни подарком.

– Мартин, я тебе вечером кое-что покажу, когда шторы на окнах задёрнем. Не хочу допустить, чтобы наружная камера это засняла.

– Новый рисунок? Жду с нетерпением.

– Слушай, ты так и не рассказал мне, где взял альбом и карандаши. Ну посвяти меня в тайну, где ты украл такую роскошь?

– Не а. Может, как-нибудь потом.

Мой друг часто скрытничал, но это не мешало ему оставаться самым надёжным и вызывающим доверие человеком на планете.

– Шерил, ты же не забываешь альбом в тайник прятать?

– Нет, конечно, я же не похожа на самоубийцу или сумасшедшую. Ты помнишь, как его открывать?

– Да-да. В случае бедствия повернуть два болта в нижней части шкафа и резко надавить на планку.

За несколько лет дружбы у нас с Мартином накопилось много общих секретов. Например, мы любили обсуждать нхагов, представляя, какие они и как живут. Мы не верили в рассказы, которые слышали из новостей и видели в книгах. Там ночные жители показывались озлобленными на весь

мир маргиналами, поставившими искусство выше технологий и старавшимися любой ценой переманить на свою сторону честных граждан. Я снова задумалась о них и спросила Мартина:

– Тебе никогда не хотелось выглянуть в окно ночью и посмотреть, как нхаги выглядят?

– Хотелось, конечно. Но меня останавливает штраф и возможность попасть в крупные неприятности.

– Да уж, отчисление или отправление в прерии после суда меня тоже от этого останавливает. Дурацкие оконные камеры, день и ночь следят, закрываем мы шторы или нет!

Мартин усмехнулся и спросил, хочу ли я ещё чаю, так как моя кружка опустела. Не дождавшись ответа друг потянулся за термосом, открыл крышку, пролил немного жидкости на пол и быстро вытер её носком. Смутившись, он поспешил заговорить, чтобы избежать моих комментариев о том, что в комнате есть половая тряпка.

– Ну, чисто технически, я видел, как они живут.

– Ага, ты про ту экскурсию в нхагский район? До сих пор жалею, что подхватила тогда простуду. Расскажи ещё раз, что ты там видел?

– Ну сколько я ещё буду повторять тебе одно и то же? Те же многоэтажки, вперемешку с маленькими домиками из кирпича, старыми и потрёпанными. На окнах такие же шторы, как у нас, только закрыты днём, а не ночью. Ничего интересного больше не могу вспомнить, хоть убей.

– Ну и ладно, ну и, пожалуйста, – демонстративно надулась я, сложив руки на груди. – В следующий раз сама на экскурсию поеду.

Мы проболтали до самого вечера, сплетничая о своих знакомых и однокурсниках. В 21:50 я как порядочный гражданин задёрнула плотно прилегающие к окну рулонные шторы, резко развернулась на месте и заговорчески поглядела на Мартина. Он широко улыбнулся, пересел с пола на кровать и жестом указал мне на шкаф.

– Вот, новый пейзаж, – шепнула ему я, показывая рисунок в альбоме, который вытащила из тайника. – Правда, пока не могу разобраться, как рисовать тени от деревьев и домов, чтобы они получались как настоящие.

– Ничего, с опытом всё придёт, – успокоил меня друг и пролистал ещё несколько страниц в альбоме.

– Мартин, мне всё равно не даёт покоя, где ты его взял.

– Ну не могу я тебе сейчас об этом рассказать! Даже если захочу, не смогу!

– Поняла, чего ты так завёлся-то.

– Ладно, мне пора. До завтра, – быстро попрощался друг и поспешил покинуть мою комнату.

Я готовилась ко сну и думала: почему он всегда так реагирует на мои вопросы о нхагах и альбоме? Знает ли он что-то, о чём не может рассказать или боится моей реакции на его слова?

Каждую ночь перед сном мне в голову приходила одна

и та же мысль: «Ненавижу шторы на окнах и закон, запрещающий их открывать». Было досадно и обидно, что от жителей прячут что-то важное и интересное на видном месте.

Размышляя об этом я провалилась в глубокий сон, чтобы проснуться от надоедливого будильника и начать очередной день, похожий на сотни других.

Глава 2. Никогда не знаешь, когда с неба упадет кирпич

Скучные лекции закончились и я проводила день в одиночестве, уткнувшись в книгу по робототехнике. Она оказалась на редкость увлекательной. Было слышно, как за стеной ругаются Эйс и Чейз, девчонки-близнецы из соседней комнаты, в очередной раз что-то не поделившие. Их ссоры вызывали у меня недоумение и волнение, но когда они переставали кричать и начинали смеяться, я не могла сдержать улыбку. К счастью близняшки редко конфликтовали серьезно и подолгу, поэтому шум за стеной быстро стих. Я начала читать главу книги заново, так как сбилась и упустила важную информацию.

Но спокойно дочитать мне не удалось: как гром среди ясного неба в общежитии взревела сирена, оповещающая о чрезвычайной ситуации. Она заставила меня подскочить на месте, как спортсмена по прыжкам в высоту. Я ни на шутку испугалась, так как ни разу за пять лет обучения не слышала ничего подобного.

Послышались встревоженные голоса и громкий топот ног в коридоре. Студенты спешили покинуть комнаты по пожарной лестнице и я последовала за ними, не забыв запереть дверь комнаты на ключ. Давка, толкотня, возгласы недоуме-

ния и местами всхлипывания: перепугались обитатели общежития не на шутку.

Преподаватели тоже спустились со своего этажа и заняли позиции на лестничных пролётах, подбадривая и потирающая растерянную толпу. В коридорах было совершенно нечем дышать. Не знаю, каким чудом мне удалось добраться до первого этажа, пересечь холл и выйти на улицу, ни разу не потеряв сознание. Места на лавочках возле входа в общежитие заняли те, кто первыми покинули здание, поэтому пришлось сидеть на газоне неподалёку. Вряд ли я когда-нибудь видела столько людей сразу. Хотелось позвонить Мартину, чтобы встретиться и пережить эту ситуацию вместе, но идея оказалась не из лучших. В таком столпотворении искать кого-то всё равно, что пытаться найти иголку в стоге сена.

Сирены стихли, но в университет никого не пускали. Я заметила, что студентов других общежитий не эвакуировали и это заставило задуматься: «Что же могло произойти именно у нас?». Почти сразу я получила ответ на свой вопрос. Сотрудница преподавательской лаборатории остановилась у главных дверей студенческого жилища и заговорила в появившийся откуда-то микрофон:

– Уважаемые учащиеся, сохраняйте спокойствие! Проверка плановая, возвращайтесь в свои комнаты! Заходим по двадцать человек, давку не создаём!

Меня смутило такое заявление, так как подобных прове-

рок раньше не проводилось, но я успокаивала себя тем, что всё бывает впервые. Вопреки просьбе, давка и столпотворение возобновились, но им препятствовали несколько Наблюдателей, сдерживавших толпу студентов, рвавшихся домой. Учащиеся заходили в общежитие «партиями» по двадцать человек с промежутком в 5 минут.

Я попала в здание в числе последних – мне хотелось прийти в себя от волнения и подольше подышать свежим воздухом. На лестнице меня окликнул Чарли, взял под руку, подмигнул и заговорчески произнёс:

– Как думаешь, реально тревога плановая, или у них в лаборатории что-то шарахнуло? Кто вообще лаборатории в общежитии строит?

– Ну, если построили, значит так было нужно. Не знаю, что ещё сказать.

Чарли такой ответ устроил и он проводил меня до комнаты, как настоящий джентльмен, не бросивший даму в беде.

Оказавшись дома я поспешила раскинуться звездой на кровати и написать Мартину: «Тебя не затоптали?», на что получила ответ: «Зайду к тебе через полчаса». Мне показалось это странным, так как мой друг редко игнорировал вопросы и назначал встречи спонтанно. Но я списала это на волнение и нестандартную ситуацию, а зря.

Мартин влетел в дверь, как вихрь, выглядел взъерошенным и взволнованным, а ещё немного грустным, но что стало причиной такого настроения, не сказал. Он расспросил

о моих предположениях, почему сегодня включали тревогу, а также о том, может ли это произойти ещё раз. Я заметила:

– Друг мой, складывается такое ощущение, что ты знаешь о чём-то, но не говоришь, и это обидно. В следующий раз, если не хочешь делиться мыслями, получше это скрывай или приходи в гости, когда успокоишься.

Мартин промямлил что-то невнятное, извинился и рассказал о том, что ему удалось узнать. Ходили слухи, что из лаборатории украли нечто важное, причём не студенты. Личность злоумышленника пока оставалась загадкой. Я пожала плечами и отрёшенно заметила:

– Мало ли что творят наши преподаватели вне своих кафедр. Может, разрабатывают вакцину против глупости или микстуру, раз и навсегда отбивающую у студентов желание заниматься ерундой.

Мартин посмеялся и закивал головой, сказав, что первая разработка пригодилась бы некоторым нашим знакомым.

В дверь постучали. Я открыла и увидела на пороге миссис Фаллер. Эта грузная женщина в годах вела курс кибернетики у первокурсников, а ещё организовывала кружки по интересам. Она вручила мне флеш-голограмму с важным объявлением и попросила её немедленно просмотреть. Мы с Мартином поспешили выполнить просьбу как только женщина попрощалась и ушла. Объявление записал Кристофер Карборра, голограмма которого с улыбкой говорила:

– Уважаемые студенты! Тревога учебная! Вы отлично

справились и показали удивительную сплочённость перед лицом опасности!

Мартин сдавленно улыбнулся, поморщился и злорадно хихикнул.

– Ох, Шерил, если Карборра нас хвалит, то тревога была точно не учебной. Через пару дней найдём Чарли и всё у него расспросим. От этого проныры никакая информация не скроется.

– Тебе не кажется, что в последнее время в университете творится что-то странное?

– Угу, – поддакнул Мартин и помрачнел.

Между нами повисло неловкое молчание и оно затянулось надолго. Мой друг встал и не попрощавшись ушёл. Через несколько минут мне пришло от него сообщение: «Я тебе всё расскажу, вернее, изложу на бумаге, потом сожжем её. Это будет чуть позже, мне нужно собраться с мыслями».

Стоит ли говорить, что в ту ночь я не сомкнула глаз и если бы можно было вытряхнуть мысли в корзину для мусора, мне бы точно не хватило одной.

Прошло два дня, а мой друг так и не созрел, чтобы раскрыть тайну, о которой упомянул. Спалось мне лучше, но плохие мысли и догадки посещали, как по расписанию.

Чарли предложил сгонять в магазин на другом конце города и я согласилась. Сокурсник хотел купить запчасти для нового проекта, а для меня прогулка стала хорошим спосо-

бом отвлечься от размышлений и сменить обстановку.

В душе скреблась когтями обида на Мартина. Не люблю всю эту скрытность и загадочность, особенно когда она переходит все разумные границы. Он и раньше не был открытым парнем, но никогда не игнорировал меня больше одного дня и старался давать хоть какие-то ответы на вопросы.

Мы с Чарли доехали до магазина на автобусе и потеряли ход времени, пока гуляли между высокими и длинными стеллажами, пытаясь найти нужную мелочёвку и разобраться, какие запчасти лучше всего подойдут для нового проекта. Утро превратилось в день, а день в вечер, который застал нас врасплох. Часы показывали без пяти минут восемь и Чарли заволновался, получится ли добраться до общежития ровно к десяти. Мы ждали автобус около получаса, но горизонт был чист и я тоже заволновалась, прокручивая в голове варианты наказаний, что полагаются за нахождение на улице в нхагское время.

Мой сокурсник выглядел нервным, напуганным и расстроенным одновременно. Он предложил переночевать у его сестры, что жила неподалёку. Пришлось согласиться, так как такси стоило недёшево и денег нам не хватило. Мы отправились в соседний квартал, решив, что по пути забежим в магазин и прихватим что-нибудь к ужину. Ответственным за вкусности стал мой приятель, а я решила постоять на улице и подышать свежим воздухом.

Меня изначально смутило, что в том районе не было На-

блюдателей, не то что возле университета в центре города. Я разглядывала деревья и их отражения в стёклах домов, а затем ощутила резкий удар по затылку, боль от которого сменилась темнотой в глазах.

Не знаю, сколько времени я провела в беспомощности, пока не очнулась в помещении с милыми зелёными обоями с золотистыми виньетками и бабочками.

Смутно припоминая события до отключения я предположила, что нахожусь в доме сестры Чарли, но удивилась несвойственной для домов жителей обстановке. Мне подумалось, что скорее всего, грабители стукнули меня по голове, пока товарищ был в магазине. Я проверила карманы одежды, лежащей на тумбочке рядом с кроватью, и поняла, что предположение оказалось верным.

Мне почти удалось справиться с волнением и злостью, что нарастали в душе, но попытка оказалась тщетной. Чувства заиграли с новой силой, когда в дверях комнаты я увидела Мартина, а не Чарли который, как мне казалось, принёс меня в этот дом.

Вслед за другом в комнату вошла красивая высокая девушка, с длинными распущенными волосами, выкрашенными в нежно-розовый цвет. Я разглядывала, её, не скрывая любопытства, даже не задумываясь, что это может быть неприлично. У незнакомки были тонкие брови и серые, как пасмурное небо, глаза, а нос аккуратный, не слишком ши-

рокий, со слегка вздёрнутым кончиком. Моё внимание сразу привлекли её губы: не полные, но и не тонкие, аккуратно подведённые розовой помадой, переливающейся под светом лампы. Но больше всего мне понравился наряд девушки – приталенный джинсовый комбинезон с небольшим воротником и золотистыми пуговицами, рукавами, как у футболки, а также карманами на груди и бедрах. Незнакомка улыбнулась и сказала:

– Привет, меня зовут Аннет. Как ты себя чувствуешь?

– Голова болит, но не настолько, чтобы не спросить, что, чёрт возьми, здесь происходит? И где Чарли?

Мартин, подозревая, что разговор будет долгим и непростым, занял место в кресле, стоявшем недалеко от кровати. Аннет любезно поправила мне одеяло и уселась на пол рядом с приятелем.

Я чуть лучше разглядела комнату. Мебель была красивой и изысканной, а на полу лежал бежевый ковёр с высоким ворсом. На стене напротив кровати висела картина, настоящая, написанная красками: милый пейзаж с морем, жёлтым, рассыпчатым песком, высоким небом с перистыми облаками и очертанием корабля на линии горизонта.

Мартин откашлялся, пытаясь привлечь моё внимание. Я скорчила недовольную гримасу и пристально на него посмотрела. Мой друг волновался, стараясь собраться с мыслями и немного погодя заговорил:

– Шерил, я даже не знаю с какого момента начать рассказ.

Наверное, с того, что Чарли редкостный трус и бросил тебя на растерзание хулиганам.

Удивления его слова у меня не вызвали. Если дело касалось собственной шкуры, Чарли бежал так далеко, как видел и так быстро, как мог. Но один вопрос не давал мне покоя пуще остальных и я поспешила его задать:

– А ты какими стараниями рядом оказался?

Мартин почесал затылок, поглядел на Аннет, потом на меня и нашёл в себе силы признаться в шпионаже. Было неприятно и непонятно, почему он решил организовать слежку за мной. Девушка поспешила прояснить ситуацию:

– Чарли совершенно ненадёжный товарищ и твой друг сильно переживал, что он тебя подведёт, что и произошло. Он шпионил, чтобы оградить тебя от беды, только не успел этого сделать. Зато с последствиями разобрался быстро и даже оформил тебе справку у доктора, чтобы ты могла пропускать утреннюю гимнастику без зазрения совести.

Я продолжила пристально смотреть на своего друга, невербально требуя от него дальнейших объяснений. Аннет сказала, что заварит нам ромашковый чай и поспешила покинуть комнату.

– Шерил, послушай. В этот район Наблюдатели заглядывают редко, поэтому тебя и тюкнули по голове чем-то увесистым. Хулиганов мне догнать не удалось, да и время поджимало, поэтому я решил, что лучше принести тебя сюда и оказать тебе помощь.

– Спасибо, Мартин.

– Аннет хороший человек и рада нас выручить. Я дружу с ней около года. Но, наверное, тебе нужно узнать больше о том, что происходит в моей жизни. Ты не против, если я прочитаю с листа, который так и не успел тебе отдать?

Я кивнула и поудобнее устроилась на уютной подушке. Мартин достал мятый листок бумаги из кармана брюк, расправил его трясущимися руками и начал читать.

– Ты правильно заметила, что о некоторых вещах я не хотел говорить. Но теперь мне придётся во всем признаться, – он откашлялся и глубоко вдохнул. – Всё началось с того, что я случайно познакомился с Аннет в сети. Она предупредила, что никто не должен узнать о нашем общении и чтобы я вёл себя осторожно.

– Почему?

– Ладно, письмо к ситуации не подходит, поэтому постараюсь так объяснить. Видишь ли, сейчас мы находимся дома у одной из нхагов и как ты могла заметить, они нормальные и вообще хорошие люди...

Если бы в моих руках был предмет, он бы с грохотом обрушился на пол. Я хватала ртом воздух и не могла произнести ни слова, так как неуёмное количество вопросов в голове слилось в единый и лихой поток. Сердце колотилось, как бешеное.

– Шерил, и ещё кое-что. Два раза в неделю я ночью выбираюсь из университета и отправляюсь к своим незаконным

друзьям, чтобы пообщаться и помочь им в важном, полезном деле. И знаешь, всё это заставило меня многое переосмыслить.

Я перебила Мартина, предложив перевести нашу беседу в формат «вопрос-ответ», чтобы она не затянулась на часы и не стала слишком утомительной. Он согласился, правда, неохотно. Аннет принесла нам чай и удалилась, сказав, что у неё ещё много дел. Мне не терпелось узнать подробности тайной жизни друга и я начала его расспрашивать:

– Если ты ходишь к нхагам, тем более по ночам, то как покидаешь университет? У нас же камеры на окнах и фасадах, Наблюдатели, целая система охраны...

– Не везде. Понимаешь ли, у меня есть ключи от сгоревшей комнаты, но я тебе об этом не говорил. На стену возле обвала камеры повесить невозможно, несколько лет назад это уже пробовали сделать. А потом оставили эту идею, потому что никто, кроме экскурсий с преподавателями, туда не навевывается. Другие камеры обвал и стену под ним не захватывают, они направлены на окна.

– Так третий же этаж, ты что, реактивный ранец придумал?

– Никаких ранцев, смеёшься, что ли. Возле обвала есть прекрасная и крепкая водосточная труба. Мой вес она выдерживает запросто, а ещё она скользкая, что делает процесс перемещения быстрым, правда, потенциально травмоопасным.

Мартин выдохнул, ожидая моей реакции. Он отхлебнул ромашковый чай из зелёной кружки и притих. Я представила, как мой друг спускается по водосточной трубе, словно огромная неловкая коала, соскальзывающая с дерева. Это меня рассмешило и улыбку сдержать не удалось. Но собравшись и снова став серьёзной, я продолжила допрос:

– А как ты добираться до дома Аннет, или куда ты там ходишь?

– Ты же в курсе, что нхаги обязаны носить плащи до пят и с глубоким капюшоном, чтобы Наблюдателей своим «зверским» видом не смущать. И у меня такой есть. Закутаешься в него и вот ты нхаг, мирно прогуливающийся под моросящим дождём.

– Опрометчивый закон однако получился...

– Согласен, но всё равно лучше не попадаться Наблюдателям на глаза. А то попросят личную карту сверить, вобьют имя в поиск жителей и всё, ты пропал, готовь котомку, чтобы ехать в тюрьму. У нас целая сводка троп есть, там улицы безопасные отмечены, а также точки, где Наблюдатели стоят. Дозорные над этим трудятся. Ну, это нхаги и они...

– Следят за теми, кто следит за порядком, не объясняй.

Я пыталась уложить в голове всё, что услышала. С того дня у нас с Мартином появилась тайна, которую нельзя раскрывать даже под самыми изощренными пытками. Какая занятная вещь дружба: сегодня вы забавные приятели, а завтра – сообщники. И всё из-за интересного времяпрепровождения.

дения твоего товарища.

– Мартин, у меня ещё один вопрос. Ты сказал, что им помогаешь: а что ты делаешь?

Получить ответ не удалось. Мне стало хуже: голова закружилась, а руки затряслись и я поспешила прилечь, перевернувшись на бок. Друг пообещал, что больше не будет ничего от меня утаивать и в следующий раз обязательно расскажет мне всё и в мельчайших подробностях. Он погладил меня по плечу, отодвинул подальше чашку с чаем на тумбочке и вышел из комнаты, тихо закрыв дверь.

«Голова трещит по швам» – первое, что я подумала, когда проснулась. В душе теплилась надежда, что вчерашняя теория заговора могла быть просто сном, но нет: на стенах комнаты сияли всё те же милые обои с бабочками.

Аннет любезно оставила возле моей кровати тапочки с изображением смешных котиков, они пришлись мне по размеру и по душе. Странно, но встать и пройтись по комнате оказалось легче, чем я предполагала, несмотря на ноющую головную боль. Шторы на окне были плотно завешаны, и меня осенила внезапная догадка, что у нхагов же все запреты наоборот, а значит, день на дворе.

Отражение в зеркале не обрадовало. На меня смотрела девушка со съехавшей на бок повязкой на голове и тёмными кругами под глазами на фоне неровной россыпи веснушек. Вид у меня оказался потрёпанный и я решила долго на себя

не смотреть, чтобы не расстроиться окончательно. Но стоит отметить, что не очень симпатичное отражение предстало передо мной в забавной жёлтой пижаме, которая, как и тапочки вызывала улыбку. Хотелось поскорее найти Мартина и Аннет, чтобы задать им десяток-другой вопросов.

Выйдя за дверь, я остановилась в длинном коридоре и огляделась. Дом казался большим и необычно цветным. Стены холла были выкрашены голубой краской, а в соседней комнате, куда я успела заглянуть, оказались фиолетовые обои с розовыми полосками. После унылых бежевых стен общежития дом Аннет казался концентратом красок и хорошего настроения.

Из дальней комнаты слышался голос Мартина и кого-то незнакомого. Я позвала друга и он вышел в коридор, приветствуя меня смущённой улыбкой. Он поспешил сообщить:

– Здесь Самат, он брат Аннет. Она, кстати, оставила тебе чистую одежду, пока твоя сушится после стирки. Вот, надень.

Мартин на миг заскочил в комнату, вернулся в коридор со стопкой вещей в руках и указал мне на дверь в ванную. Одежда, что оставила новая знакомая, оказалась такой же цветной, как и её дом. Стопка вещей состояла из синей футболки, белых носков и брюк в чёрно-белую полоску. Сначала мне было не по себе от нового наряда, но потом я осознала, насколько хорошо и приятно в нём себя чувствую. Новое отражение в зеркале мне понравилось, что подняло настро-

ение, а также отвлекло от мыслей о проблемах, которые бежали за нами с Мартином по пятам.

Моё внимание привлекла массивная, деревянная дверь напротив ванной – оттуда слышался оживлённый разговор. Я тихонько в неё постучала и вошла, оказавшись в просторной и уютной гостиной. В центре стоял мягкий коричневый диван из кожи, рядом с ним стеклянный журнальный столик на тонких ножках, а в углу теснились камин и объёмные кресла. Возникало ощущение, что обстановку здесь не меняли как минимум триста лет, уж очень она напоминала классические интерьеры прошлого.

Самат, брат Аннет, оказался совершенно на неё не похож. Девушка напоминала мне невесомую фею из доброй детской сказки, а вот парень скорее походил на типичного отрицательного персонажа. Он сидел на подлокотнике дивана и с любопытством меня разглядывал.

У нхага волосы длиной до плеч цвета вороного крыла, прямые и слегка спутанные, спадающие прядями разной длины. Он не казался мне красавцем, но и несимпатичным его назвать язык не поворачивался. У него нос с горбинкой, не слишком полные губы, миндалевидные глаза зелёного цвета и широкие брови. Парень смотрел на меня исподлобья, но при этом улыбался краешком губ, отчего выглядел неприветливо и слегка пугающе. Одежда нхага была простой: светло-зелёную футболку дополняли чёрные джинсы и массивные ботинки с толстой подошвой. Они мне осо-

бенно понравились, сама бы с удовольствием носила такую обувь.

Мартин поинтересовался, как моё самочувствие и предложил перекусить. Самат резко сорвался с места и уверенной походкой направился на кухню, заметив, что он тут хозяин и недоволен, что его опередили в хороших манерах. Я растерянно улыбнулась и тихонько уточнила:

– Это такой вид гостеприимства?

– Вроде того. Не обращай внимания, он человек непредсказуемый, но хороший. Узнаешь его получше и, возможно, привыкнешь.

Нхаг вернулся из кухни, держа в руках тарелку с блинчиками и шоколадом. Настоящим! Нам, в нашем мире жителей, о сладостях можно было только мечтать, ведь сахара дозволялось употреблять не больше пяти кубиков в день. Вместо него также не возбранялось съесть немного ягодного варенья, мёда и, пожалуй, всё. Я ликовала: шо-ко-лад-ка, первая в жизни!

Самат заметил моё воодушевление и сказал, что мне предстоит многое узнать о жизни нхагов и перестать удивляться таким повседневным вещам. Он добавил:

– Знаешь ли, Шерил, у нас тут каждый о своём здоровье заботится, как может. Никто никому ничего не запрещает, ну, почти. И не заставляет есть морковные булки, что так ненавидит Мартин. Ты бы слышала, он постоянно жалуется на вашу еду, мол, запретили, законы проклятые конфеты

и жареную картошку за обе щёки лопать. Разбаловался он с нами, да-да. Кстати, приятного аппетита, бери, сколько хочешь, мне ничего не жалко. Если надо будет, я ещё блинов пожарю, правда, придётся немного подождать.

Манера речи Самата вызывала улыбку и недоумение. Я поблагодарила его, принялась уплетать блины и испытала восторг, который невозможно с точностью передать словами.

Мартин и его друг не могли разделить со мной радости. Они о чём-то жарко спорили, переместившись в соседнюю комнату. До меня доносились только отголоски их речи, но я и не старалась прислушиваться. В голове крутилась единственная мысль: «Как мы вернёмся в общежитие? Вряд ли у нхагов найдётся телепорт или другое хитрое устройство, чтобы переместить нас прямо в комнаты».

Разговор парней стал громче, было слышно, что это Самат повысил тон, пытаясь убедить Мартина в своей правоте. Конечно, подслушивать неправильно, но в тот раз искреннее любопытство отправило в нокаут хорошее воспитание. Нхаг говорил:

– Силы Небесные, да сколько тебе можно объяснять? Я хочу этого не только из-за какой-то глупой детской обиды! Просто так нельзя, нельзя, понимаешь? Сам-то рад тому, как живёшь? И не смей мне врать, мы не первый день знакомы, я успел послушаться твоих жалоб!

Мартин спешно зашёл в гостиную и сказал, что нам пора собираться. Он велел мне переодеться в свою одежду, кото-

рая успела высохнуть, а также примерить плащ с капюшоном, что висел на крючке в прихожей.

Возвращались мы тайными тропами нхагов, спешно миная дома и узкие переулки. Я боялась, что в общежитие придётся залезать по водосточной трубе, но всё обошлось – существовал менее травмоопасный способ вернуться домой. Чтобы не попасться на глаза Наблюдателям мы спрятались в перевалочном пункте. Он находился в одном из магазинов на тупиковой улице, куда редко заглядывали стражи порядка. Как такового, магазина там и не было: пустое помещение предназначалось исключительно для того, чтобы в нём можно было укрыться от посторонних глаз. Любопытство прохожих останавливали плотные шторы на окнах и табличка «Закрыто» на массивных деревянных дверях с несколькими замками.

Как только на улице раздались звуки гимна и послышались голоса жителей, собиравшихся на утреннюю гимнастику, мы сложили плащи в рюкзак Мартина, вышли из убежища и смешались с толпой.

Мой друг пообещал, что расскажет мне больше о жизни нхагов, раз мне удалось к ней прикоснуться. А ещё уверял, что даст Чарли по шее за его «смелость» и устроит ему весёлую жизнь. Пришлось потратить двадцать минут, чтобы отговорить Мартина от мести и убедить в том, что людей важно прощать. Он неохотно согласился и пообещал держать себя

в руках.

Глава 3. Всё решает случай

Поговорить о нхагах Мартин решился на следующий день, предварительно убедившись, что я хорошо выпалась и не страдаю от головной боли. Разговор был интересным, долгим и заставил меня взглянуть на жизнь под другим углом.

Друг поведал, что у нхагов почти идеальный мир, где каждый сам себе хозяин и волен заниматься тем, что ему нравится: есть, что хочет, работать, где хочет, выбирать хобби по душе, а не потому что оно правильно и одобряется обществом. Среди них есть учёные и программисты, но немало художников, музыкантов, писателей, а также мастеров рукоделия.

Мне наконец-то стало понятно, где Мартин добыл карандаши и альбом, а также откуда в университете появлялись милые ловцы снов и другой декор для комнат, который стоило снимать перед проверками преподавателей. Всё это делали нхаги, а затем передавали жителям в надежде скрасить их серую жизнь.

Рассказал мой друг и о том, чем занимался по ночам. Он был одним из курьеров между нхагами и горожанами. Приятель разносил небольшие посылки со всякой мелочёвкой, лекарствами, напитками и продуктами, запрещёнными для жителей. Обменивались подпольщики и письмами,

а также праздничными открытками. Оказалось, что многие люди старались поддерживать связь с нхагами несмотря на строгий закон. Мартин был не единственным курьером – только в нашем университете такой подпольной работой занимались восемь человек, с парочкой из которых, как оказалось, я была лично знакома.

В душе зародилось сомнение, тягостное и глубокое. С одной стороны, мне не очень нравился мир, в котором я живу, а с другой, рисковать и отказываться от него, связавшись с нхагами, не хотелось. Я старалась коротать дни в привычном скучном режиме, но навязчивые мысли так и лезли в голову, особенно по ночам. Они заставляли ворочаться, мечтать, испытывать страх и вместе с ним неуёмное любопытство.

Мартин предложил встретиться на днях, чтобы вместе доставить заказы жителям и снова увидеться с Аннет и Саматом. Я долго не решалась дать ему ответ. К счастью, мой друг не торопил и терпеливо ждал. Мне хоть и было почти нечего терять, но даже маленький шанс того, что жизнь могла стать в разы хуже, попадись мы на дружбе с нхагами, сводила меня с ума.

Лекции, практики, домашние задания, лекции, практики, домашние задания – жизнь текла своим привычным и скуч-

ным чередом. Прошел месяц с того рокового дня, когда я получила по голове. Чарли попросил прощения и нам пришлось придумывать целую историю о том, как меня спасли равнодушные жители и что над поиском моего кошелька усердно трудятся Наблюдатели. Мартин обещал найти и купить точно такой же, чтобы все поверили в нашу легенду и сдержал своё слово. Хорошо, что мои приключения остались секретом для преподавательского состава. Чарли на удивление удавалось держать язык за зубами, так как разболтав о том, что произошло, сам мог попасть в неприятности.

Я старалась не думать о нхагах и воспринимать всё случившееся, как хороший сон, исчезнувший с приходом утра. Он больше не должен был повториться, несмотря на то, что жизнь ночных жителей казалась сказкой. Но судьба распорядилась по-другому.

Тянулась долгая и дождливая ночь, мне не спалось. Я рисовала в тетради парк, где прогуливались люди и старалась изобразить их фигуры так чётко и реалистично, как могла. Атмосферу спокойствия прервал стук в дверь. Я удивилась, кому приспичило прийти в такое позднее время, когда большая часть студентов мирно спала в своих постелях. Стук повторился, сопровождаясь мерзким звуком царапания ногтями по дереву. Он заставил меня быстро спрятать альбом с карандашами в шкаф и встретить незваного гостя.

В комнату влетел Самат, быстро закрыл дверь на все зам-

ки и перепроверил, что она заперта, несколько раз дёрнув её на себя. Выглядел он потрёпано: мокрые волосы свисали сосульками, грязный плащ волочился подолом по полу, а не менее грязные ботинки оставили на паркете заметные следы. Я развела руками, потеряв дар речи. Парень окинул мою комнату взглядом и пробормотал:

– Мда, скромненько тут у тебя.

Я не на шутку разозлилась, подумав, что совершенно неприятно, когда к тебе врываются в дом и сразу же начинают критиковать, как там всё устроено. Обидно и противно.

– Шерил, мне нужна твоя помощь, срочно и прямо сейчас. Мартин попал в беду, нужно завершить одно его дело. Надевай.

Нхаг бросил мне плащ и закивал на дверь, давая понять, что нам пора. Я застыла на месте и не могла пошевелиться, оцепенев от дурацкой муки выбора и клубка сомнений, засевшего в мыслях. Было два варианта дальнейших действий: отказать нхагу, не выручить лучшего друга и как-то научиться с этим жить или поставить на кон своё благополучие, чтобы не бросить товарища в беде.

Пока я находилась в раздумьях, Самат открыл тайник моего шкафа, достал оттуда альбом и карандаши, положил их в свой рюкзак и сказал, что эти вещи лучше забрать с собой. Его поступок не был чем-то из ряда вон выходящим. Про секретный ящик знал Мартин и мог рассказать своему другу о том, как он открывается. А ещё как найти мою комнату,

пробраться в сгоревшую и говорить так убедительно, чтобы разжечь в приличной студентке желание геройствовать.

Я надела плащ, подумав: «Будь что будет. Если судьба закатывает тебе вечеринку, невежливо от неё отказываться».

Спускаться по водосточной трубе с третьего этажа в дождь – то ещё приключение. Я долго не решалась посмотреть вниз и сделать шаг, чтобы зацепиться за хоть и кажущуюся прочной, но не вызывающую доверия конструкцию. Заботливый Самат прихватил для меня перчатки, которые оказались великоваты, но спускаться в них всё равно было удобнее.

Нхаг спустился по трубе первым, ловко и быстро, чему я позавидовала. Желание геройствовать в тот момент исчезло напрочь, уступив место животному страху высоты. Самат показывал, что мне нужно поторапливаться, и что он готов меня подстраховать, но это не добавляло уверенности. Я подумала о Мартине и всё же зацепилась руками за трубу, начав медленно соскальзывать по ней вниз. Ощущение было не из приятных: ладони горели несмотря на перчатки, плащ путался в ногах, а мелкий морозящий дождь неприятно колот лицо. Едва ноги коснулись земли я почувствовала себя самым счастливым человеком на планете. Нхаг меня похвалил, а потом указал, в каком направлении нам предстояло бежать. Мы прошмыгнули в ближайшие высокие кусты у забора общежития и затаились. Пока мой спутник проверял карту безопасных троп, я пыталась успокоиться и при-

ти в себя.

Новый приятель схватил меня за руку, потащил в только ему известном направлении и указал на дыру в заборе, скрытую за высокими кустами. Через неё мы и покинули территорию университета. Меня не слишком заботило, куда предстояло идти и сколько времени пришлось бы на это потратить. В голове крутилась одна мысль: «Только бы с Мартином всё было в порядке».

Мы остановились около невзрачного старого здания, из тех, что готовят к сносу. Самат достал ключ и отворил неприметную, обшарпанную дверь, жестом пригласив меня войти. В помещении царил полумрак, к которому пришлось привыкнуть. Я разглядела несколько столов и шкафов с открытыми полками, кресла и невысокие тумбочки, а также пожилого мужчину, сидевшего в углу комнаты на табурете.

Внешне он походил на мудрого седовласого профессора. Мне сразу приглянулись его очки с толстыми стёклами в круглой коричневой оправе. Мужчина носил усы и бороду и выглядел добродушным. Он показался мне симпатичным несмотря на глубокие морщины и слегка искривлённый кончик носа. Новый знакомый был одет в коричневый костюм и туфли, а также белую рубашку с перламутровыми пуговицами. Он спросил Самата:

– Это Шерил, ты о ней говорил?

– Да, подруга Мартина.

– Привет, я мистер Вудклив, приятно познакомиться, –

обратился мужчина ко мне.

– Взаимно.

– Мартин в беде и нам нужна ты, чтобы завершить одно его дело, Самат тебе всё расскажет. Сам он вряд ли сможет это проверить, по личным причинам. За друга своего не беспокойся, с ним всё будет в порядке, мы уже над этим работаем. Как ты смотришь на небольшую прогулку в компании с очаровательным нхагом?

– Прогулка, так прогулка, – мой голос звучал неуверенно, но Вудклива это не смутило.

– Только смотри, не влюбись, – с улыбкой произнёс он, – этот молодой человек тот еще сердцеед, правда же?

Я ухмыльнулась, а парень, о котором шла речь, демонстративно закатил глаза, отмахнулся и поспешил объяснить, что нужно будет сделать.

– Я отведу тебя к дому адресата и ты передашь посылку. Сам к нему не пойду, он давно на меня зуб точит. Вручишь коробку, а как дело будет сделано, пойдём к Аннет, поспишь до утра и домой. Хорошо?

– Ага. А что в коробке?

– Этого не могу сказать, нельзя раскрывать содержимое посылки. Но могу тебя успокоить, что там точно не бомба.

Слова Самата ни капельки не помогли мне справиться с волнением, зато разожгли в душе любопытство. Мы попрощались с мистером Вудкливом и поспешили покинуть его дом.

Путь к жилищу адресата посылки был витиеватым и занял полчаса. Улицы мелькали, как частицы калейдоскопа, смешивались между собой, рассыпались на перекрёстки и тупики. Голова кружилась, сердце бешено билось, а уровень адреналина в крови зашкаливал. Нхаг остановился у одной из многоэтажек и передал мне рюкзак. Внутри находилась небольшая, но тяжёлая коробка, обмотанная упаковочной плёнкой. Самат проинструктировал:

– Я осмотрюсь и скажу, когда можно заходить. На домофоне наберешь цифры 284, тебе сразу же откроют. Поднимешься на лифте на восьмой этаж, отдашь посылку без лишних разговоров и спустишься по лестнице. Следи, чтобы любопытные соседи тебя не заметили.

Я кивнула и вошла в дом, услышав команду нхага, поднялась на лифте на нужный мне этаж, увидела дверь с заветным номером и тихо в неё постучала. Мне открыла женщина и её лицо показалось до боли знакомым. Она протянула руки к посылке, я покорно отдала ей коробку, тихо попрощалась и поспешила спуститься вниз по лестнице. Самат ждал меня у подъезда. Он был спокоен и расслаблен, что вызывало зависть. Нхаг спросил, как всё прошло, и довольный ответом повёл меня к дому Аннет.

Она встретила нас радушно, но сразу же потащила моего спутника на серьёзный разговор в спальню. Сидя в гостиной в одиночестве и ожидании возвращения новых приятелей я пыталась вспомнить, где же видела женщину, кото-

рой вручила посылку и была уверена, что мне доводилось с ней встречаться или хотя бы случайно где-то видеться. Но память подвела и никак не давала ответов на этот вопрос, а спрашивать у нхага подробности о получателе доставки я не стала.

Мы поужинали втроём. Аннет сказала, что Мартин вернётся в общежитие утром, но мне стоило запастись терпением и посетить его через пару дней.

– Ему нужно отдохнуть после неприятных приключений, а тебе лишний раз не светиться в его комнате, – объяснил Самат. – Он тебе расскажет о передрыге, в которую попал, но немного позже. Теперь, думаю, вам придётся видеться с нами чаще, чем вы планировали.

Не знаю, как Мартин, а я вообще хотела забыть моё приключение у нхагов, как сон и жить своей обычной и скучной, зато безопасной жизнью.

Утро встретило меня ощущением, будто по мне проехался асфальтоукладчик, причём с остервенением и несколько раз. Голова гудела, глаза слипались, а тело отказывалось слушаться и совершать энергичные движения. Чтобы хоть как-то облегчить моё состояние, Самат сварил кофе и подал его в маленькой фарфоровой чашке, украшенной цветочным узором. Напиток показался мне непривычно горьким на вкус и пряным за счёт сочетания специй и сиропа. Но самым приятным бонусом оказалось то, что он помог набраться энергии и взбодриться, чтобы отправиться домой.

Маршрут был долгим, но, похоже, я начинала привыкать к извилистым тропам и осторожному передвижению по городу. Мне подумалось, что главное не начать точно так же перемещаться по улицам в дневное время, чтобы не вызвать подозрений у Наблюдателей и не прослыть городской сумасшедшей.

Самат проводил меня до перевалочного пункта, где поспешил попрощаться. Я протянула нхагу плащ, но он отказался забирать его, сказав, что эта вещь сможет мне пригодиться в будущем. Пустое и тёмное помещение пункта навевало дурные мысли и уныние. Я не переставала думать о Мартине, размышлять о ночном приключении и о том, что ждёт меня в будущем, если жизнь продолжит идти таким чередом.

Ожидание встречи с лучшим другом походило на предвкушение праздника, когда волнение накрывает с головой и ты ни о чём не можешь думать, кроме предстоящего торжества. Я изо всех сил старалась сосредоточиться на учёбе и домашних заданиях, но обуздать любопытство и тревогу не получалось. Зато за оценки в конце семестра беспокоиться не пришлось – они были средними, но обеспечивали зачёты «автоматом».

Грусть одолевала каждый раз, когда в голове проскальзывала мысль, что Самат забрал мой альбом с рисунками и ка-

рандаши. Но вскоре я наоборот, поблагодарила его за такой поступок. По общежитию прошёл слух, что движется большая проверка, а значит, нужно было найти укромное место, куда спрятать декор и другие неподобающие для приличных студентов вещи. В этом мне помог Мартин. Он зашёл в гости через два дня после моего ночного приключения и ничего толком не объяснил. Друг забрал из моей комнаты некоторые вещи и рюкзак с лежащим внутри нхагским плащом. Товарищ пообещал спрятать их там, где никто не найдёт, а ещё что вернёт всё в целости и сохранности, как только «угроза минует». Мне тогда совершенно не понравился его выбор слов для описания ситуации.

Вскоре я поняла, почему друг назвал проверку угрозой: в ней участвовал сам Кριο Карборра. Он, как и другие преподаватели, входил в каждую комнату, заглядывал во все углы и вытаскивал вещи из шкафов. Было неприятно и противно, что посторонний человек потрошит твои тумбочки, ящики, сумки и рюкзаки. Что именно искала бригада учителей так никто и не понял.

Кριο нашёл мой тайник в шкафу так быстро, будто знал о его существовании и спросил, пользуюсь ли я им. Мне пришлось постараться, чтобы убедительно сделать вид, что вижу секретное место впервые. Актерская игра удалась и меня оставили в покое, а я мысленно поблагодарила Мартина и Самата за их осмотрительность. Даже не знаю, чем бы закончилась для меня проверка, если бы Карборра обнаружил

карандаши в тайнике.

Через три дня по университету покатился слух о том, что стало причиной обысков и перепохлоха. Анонимный осведомитель рассказал преподавателям, что студенты сбывают в общежитии «неподобающие вещи» и тех, кто ими обладал, строго наказали: заставили допоздна работать в столовой, убирать помещения и писать научные работы, отнимавшие много времени и сил. Некоторых и вовсе отчислили и о том, что их ждало в будущем, оставалось только догадываться.

Мы с Мартином проводили время в его комнате, сидя в самом центре помещения, подальше от стен и любопытных студентов, которые могли за ними скрываться. Говорить приходилось шёпотом. Мой друг не скрывал расстройств и волнения о произошедшем, он поделился со мной переживаниями и рассказал, в какую передрыгу попал.

– Во время ночной прогулки меня заметил Наблюдатель и пришлось быстро бежать, куда глаза глядят. Даже посылку пришлось бросить, благо, было укромное место поблизости, чтобы её не смогли найти. Я сразу же позвонил Самату, рассказал о том, что произошло и укрылся в одном из перевалочных пунктов. Меня искали по всему городу, пришлось затаиться и ждать, когда угроза минует.

– Получается, я доставляла посылку, которую ты припрятал?

– Ага, спасибо тебе. Конечно, нхаги могли на это дело кого-то другого подрядить, но ночь тогда у курьеров выдалась

загруженная, свободных рук не хватало. Так что ещё раз благодарю, что не оставила меня в беде.

– Не за что.

– Должен признаться, сейчас не самое спокойное время и для нхагов, и для жителей. Говорят, что Карборра затеял переворот, он повлияет на жизнь обеих сторон и многим это не нравится. Нхаги хотят предотвратить это безобразие, но времени очень мало, как и средств. Возможно, каждому живущему в городе человеку придётся выбирать, чью сторону занять. Меня это пугает, Шерил, сильно пугает, понимаешь?

– Понимаю.

Знал бы Мартин, какой животный страх клокотал в тот момент у меня в душе. Не люблю перемен, а решения даются мне с трудом, особенно те, от которых зависит вся моя жизнь. Я прошептала:

– И, кажется, я знаю, на чьей стороне будешь ты, но пока не могу сказать, по какую сторону баррикад окажусь сама.

Мартин погрустнел. Он не умел скрывать чувства, даже если старался. Похоже, мой друг надеялся на совершенно другой ответ. Я понимала, что должна была его поддержать, но в то же время не могла гарантировать, что перейду на сторону нхагов.

– Знаешь, Шерил, я не люблю терять близких, но если твой выбор будет не таким, как мой, я пойму и не буду держать на тебя зла. И останусь твоим другом, несмотря ни

на что.

Парень заплакал и крепко меня обнял. Я смутилась и не знала, как себя вести, так как раньше никогда не видела его слёз. Мне стало очень горько, настолько, что солёные капли покатались и по моим щекам. Мы сидели, обнявшись, пока друг не перестал всхлипывать. Успокоившись, он резко отпрянул, потянулся за своим рюкзаком и достал из него два плаща.

– Пойдёшь? – в его голосе звучало едва скрываемое волнение.

– Пойду.

В ту ночь мы отправились не в дом Аннет, а к товарищу Мартина, с которым он очень хотел меня познакомить. Не знаю, решилась ли я на прогулку из-за того что хотела пообщаться с нхагами или потому что не смогла оставить друга наедине с неприятными чувствами.

Мы долго наворачивали круги по улицам и остановились у маленького двухэтажного дома из красного кирпича. Такие в городе считались раритетом и готовились к сносу, но этот выглядел крепким и ухоженным. Мартин тихо постучал в дверь, её отворил странный парень и гостеприимным жестом пригласил нас войти. На вид ему было лет восемнадцать, может, чуть больше. Выкрашенные в ярко-красный цвет волосы парня спадали до плеч взъерошенной волнистой копной. Я продолжила разглядывать приятеля Мартина и мне понравилась его внешность: пухлые губы, растя-

нувшиеся в приветливой улыбке, широкий нос с проблеском веснушек и хитрый взгляд, который будто сканировал меня с головы до ног.

– Знакомься, это Ленни, он художник, – представил парня мой друг.

– Шерил, – сказала я, протянув новому знакомому ладонь. Его рукопожатие оказалось крепким, хоть сам он отличался худобой и не казался настолько сильным. Его толстовка с геометрическим рисунком в оттенках всех цветов радуги пестрела засохшими пятнами краски, как и синие джинсы с большими накладными карманами. Раньше я не видела художников, но у меня не было сомнений, что новый знакомый является одним из них.

Новый приятель склонил голову на бок, зашаркал по полу ногой, а затем резко выпрямился и заговорил:

– О да, я о тебе слышан. Расскажу о себе кратко: в моих руках кисти и краски становятся не просто инструментом, а магией, завораживающей взор всех присутствующих. Те, кто видел, как мне удаётся...

– Ленни самый болтливый творец, которого я знаю, а ещё хвостун. Да, дружище? – ни капли не стесняясь перебил Мартин.

Художник покраснел и быстро направился в угол комнаты, где стоял побитый жизнью мольберт. В этот момент я поняла, что забыла оглядеться, настолько он привлек моё внимание. В помещении пахло краской и чем-то ещё, мне незна-

комым, мебель была старой и местами потёртой. Я ненадолго выпала из реальности, разглядывая комнату и совершенно не слышала, о чём говорят Мартин и его приятель.

– Да-да, я в курсе всех безобразий, Самат и мне мозги прополоскать успел. Зашёл, значит, недавно с просьбой, мол, нарисуй мне открытку для друга на День рождения. А я вообще не уверен, есть ли у него друзья! Ну, кроме нас. И значит рисую я, а он начинает, мол, нам нужна помощь, а ты вот молодец, а давай с нами, у тебя ещё погреб есть и всё в таком духе. А я ни в какую! Дорисовал открытку и заставил Самата откланяться.

Ленни тараторил так, что каждая его фраза тянула на скороговорку среднего уровня сложности. Именно его манера речи заставила меня вернуться в реальность. Я села на диван рядом с Мартином, извинившись за временное «отсутствие». Художник усмехнулся:

– Да ладно, со мной тоже так бывает: как засмотришься на что-то и всё, пропал. Чай будешь или кофе? У меня ещё молоко есть, сливки, сахар, конфетки, сушки, печенье, чипсы, орешки...

Бесконечный поток слов Ленни сводил с ума и, наверное, это отражалось на моём выражении лица. За меня ответил Мартин:

– Чай, конфеты, печенье.

Красноволосый парень вскочил и вприпрыжку направился в кухню.

– Он странноватый, как и все творцы, но ты привыкнешь, через пару дней тебе не будет казаться, что твой мозг горит огнём, стоит ему открыть рот, – заверил меня лучший друг.

– Ты и про Самата говорил, что он своеобразный. Скажи, а среди нхагов у тебя есть ну, хотя бы близкие к нормальности знакомые? А то складывается впечатление, что они все тут того...

– Или мы все того, а они нормальные, с какой стороны посмотреть, – усмехнулся Мартин.

Было интересно, зачем он привёл меня в дом Ленни. Вряд ли друг хотел просто попить чаю со странноватым пареньком или позволить приятелю свести меня с ума. Ленни вернулся из кухни с красивым серебристым подносом, на котором стоял пузатый фарфоровый чайник и три чашки. Художник откашлялся и заговорил:

– Мартин сказал, что ты любишь рисовать, но Самат забрал твои карандаши и альбом перед учительской проверкой. В ближайшее время он точно тебе их не вернёт, это я гарантирую. Если хочешь, выбирайся сюда – могу научить тебя живописи и даже одолжу всё, что нужно, если не будешь слишком занудной.

Его слова заставили меня улыбнуться и задуматься. Мне очень хотелось вернуться сюда снова, ощутить запах красок и мягкость кисточек, а ещё услышать скрежет карандаша по холсту. Но я не была уверена, что соглашусь на предложение Ленни и продолжу путешествовать по ночам, поэтому

пообещала дать ему ответ позднее.

– А хочешь, свои работы покажу?! – с живостью воскликнул он.

Вопрос оказался риторическим. Художник схватил меня за руку, чуть не опрокинув поднос, стащил с дивана и потянул за собой в соседнюю комнату. Мартин молча проследовал за нами, жестом показывая, что всё в порядке.

В мастерской вплотную друг к другу висели и стояли портреты, пейзажи, изображения космоса, милые натюрморты. В углу на небольшом столике лежали открытки и зарисовки на разлинованных листах из блокнота.

– Это выставочная комната, я это всё нарисовал. Конечно, чаще художники говорят «написал», но мне почему-то не нравится такая формулировка. Я вот несколько стихов написал, мне кажется, к ним это слово больше подходит. Ну, Шерил, как тебе?

– Мне нравится сочетание цветов. У тебя в каждой картине есть преобладающий оттенок, яркие акценты и контрасты. А ещё ты редко используешь чёрный. Ой-ой, а он тебе зачем?

Пробегая глазами по картинам Ленни я заметила одну, слишком выделяющуюся на общем фоне. Это был портрет Крио Карборры в чёрном костюме. Мне показалось, что художник его немного приукрасил, но я не понимала, зачем нхагу рисовать кого-то, кто мешает ему и его друзьям нормально жить.

– Это портрет на заказ и если по чесноку, я чуть станцию нормальность башкой не проехал, пока его рисовал. Пришлось долго подбирать зелёный оттенок, чтобы изобразить глаза Карборры, а также экспериментировать с тёмными цветами, чтобы придать объема его костюму. В один вечер я так устал, что еле удержался от того, чтобы взять топор и разрубить холст на мелкие части. Или превратить портрет в карикатуру, ещё больше удлинив и так не маленький нос мэра. Но сдержался, как видишь.

Я хихикнула. Да уж, нельзя было назвать такую работу удовольствием. Но Ленни отметил, что неплохо зарабатывал своим творчеством поэтому и не отказался от такого предложения.

Мы вернулись в гостиную и приступили к чаепитию. Художник рассказывал про техники рисования, которые использует, смешные случаи, связанные с заказами, о своей жизни. Иногда его речь была пронизана хвастовством, а в другие моменты он казался трогательным и по-детски наивным. А ещё выяснилось, что он обладает отличным чувством юмора и на год старше нас с Мартином, что оказалось настоящим сюрпризом.

Вечер был долгим и приятным. Художник предложил остаться у него с ночёвкой, разместившись в гостевой спальне. Мартин любезно уступил кровать мне, а сам предпочёл разложить матрас на полу. На стенах комнаты висело много фотографий Ленни и его семьи. Мой друг поведал, что ро-

дители и сестра парня давно уехали из нашего города и художник не раскрывает причин, почему так произошло. Он почти не поддерживает с ними связь, разве что по праздникам. Мне почему-то стало грустно, так как история Ленни напоминала мою.

Когда мы ложились спать, в доме внезапно появился ещё один гость. В дверь постучал Самат, зашёл, расположился в кресле гостиной, куда мы с любопытством заглянули и заговорил:

– Мартин, я понимаю, что ты не высыпaeшьсeя и плохо функционируешь последнее время, но мне ещё раз нужна твоя помощь.

После слов нхага Ленни вскочил, как заведённый. Он зашагал по комнате вокруг кресла Самата, скрестив руки на груди, и выглядел как акула, которая подбирается к зазевавшемуся аквалангисту. Навернув пару кругов и тяжело дыша, художник произнёс:

– Скажи, пожалуйста, почему ты вот так врываешься в дома других людей, ведёшь себя, как главный, хотя это не так и считаешь, что поступаешь правильно? Это не только моя претензия, много кто интересуется!

– Ну, если хочешь, можешь сейчас отправиться со мной к мистеру Вудкливу и высказать ему своё недовольство, – спокойно ответил парень, ничуть не смущённый возгласом Ленни.

– А что, у вас Вудклив самый главный? – спросила я.

– Подожди! – хором ответили нхаги, давая понять, что в их разговор лучше не вмешиваться.

Мартин коротко шепнул, что моя догадка была верной.

– А пошли! Прямо сейчас пошли! – кричал разбушевавшийся творец. – Я на тебя нажалуюсь! Достал ты меня!

Художник рванул к шкафу и жестом фокусника достал длинный плащ с верхней полки. Мартин предложил отправиться с ними, чтобы утолить любопытство. Ленни на миг застыл, а затем бросил плащ на кресло и снова завозмущался:

– Через твои любимые катакомбы пойдём, а не по улице, понял? У меня же такой отличный погреб, что ты с удовольствием себе бы его заграбастал, если бы мог! И превратил бы мою мастерскую в проходной двор, да?!

Художник не просто сердился, он был близок к самой настоящей вспышке гнева вперемешку с истерикой. Самат только вздыхал и сохранял спокойное, слегка отрешённое выражение лица. Ленни обратил внимание и на это:

– А знаешь, что в тебе бесит больше всего? Вот эта твоя маска невозмутимости и глаза, ничего не выражающие. Ты просто каменюка! Как тебе можно доверять? Да тобой легко проиллюстрировать фразу: «Ничто человеческое нам не нужно»!

– Тебе бы полегчало, если бы я кричал и разводил истерику? Может, вообще подерёмся тогда как дети малые? – вполголоса уточнил Самат и хитро прищурился.

– Да я бы с удовольствием тебя стукнул, если бы поднимал в своей жизни что-то тяжелее кисточки! Тебе бы мало не показалось, умник! – завопил Ленни.

Мартин откашлялся для того, чтобы привлечь к себе внимание и немного снизить накал страстей. Это было хорошим решением, так как ссора с каждой минутой набирала всё большие обороты.

– Может, пойдём? Это какое-то безобразие. – тихо сказал мой друг.

– Папаше его так скажи! – вскрикнул художник, указывая на другого нхага пальцем.

– Если что, мистер Вудклив и Самат не родственники – шепнул мне на ухо Мартин и показал, что нам нужно пройти на кухню.

Возле напольного шкафчика, под потертым синим ковром скрывалась дверца погреба. Ленни предоставил моему другу возможность её открыть, пока демонстративно дулся на темноволосого нхага и отступал от него каждый раз, как он оказывался рядом. Из погреба пахло землистой сыростью и совершенно не хотелось туда идти.

– Проходите, только не обляпайтесь, – скомандовал художник и жестом пригласил нас спуститься по тонкой металлической лестнице.

Первым это сделал Самат, так легко и быстро, будто всю жизнь провел на подобных лестницах. Дальше внизу оказался Мартин, а затем подстраховал меня, так как особой лов-

костью я не отличаюсь. Последним в погреб спустился Ленни, громко захлопнув за собой дверцу.

Щёлкнул выключатель и зажглись несколько лампочек по периметру комнаты. Меня удивило, что в ней не было пыльно, как бывает в подвалах, наоборот, дышалось легко и приятно, несмотря на своеобразный запах. Вдоль стен стояли стеллажи с консервами, а рядом с одним из них красовалась металлическая дверь с кодовым замком.

– Только не говори, что у него тут бункер с ракетой, на которой можно улететь в космос, – язвительно обратилась я к Мартину. – Хотя немного зная твоих знакомых, можно поверить во что угодно.

Друг не успел мне ответить. Самат подошел к двери и набрал четырехзначный код. Красная лампочка на пульте управления сменилась на зеленую, а замок щёлкнул.

– Добро пожаловать в катакомбы. Это место мне особенно нравится, – промолвил нхаг.

– Потому что ты больше похож на восставшего покойничка, чем на нормального человека, – проскрипел Ленни.

За дверью оказался длинный коридор с каменными стенами, кое-где поросшими мхом и тусклыми лампами под потолком.

– Обрати внимание на подпольное творчество, – предложил мне Ленни, – у нас художники не только на холстах рисуют.

И правда, я не сразу заметила, что все стены были покры-

ты разнообразными граффити. Некоторые изображения выглядели угловатыми, а другие наоборот, имели обтекаемые очертания. Они кардинально отличались от работ моего нового приятеля: в них прослеживалось отражение острых тем, философских размышлений, а также страха и недовольства авторов.

– Это моё любимое, – промолвил Самат и указал на одну из стен.

С неё на меня смотрел вампир с большими клыками, ярко-зелёными глазами, тёмными волосами ниже плеч и скрещенными руками на груди. Он восставал из гроба и был одет в белую рубашку с рюшами на манжетах и вороте, чёрные брюки и бордовый сюртук с брошью в виде ноты на лацкане. Вампир очень напоминал Самата, что показалось мне забавным. Ленни взбодрился:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.